

Эрвин часто пытался представить, каким должен быть его отпуск. Ему казалось, что он просто проспал бы его от начала и до самого конца. Должно быть, именно из-за подобных праздных мечтаний Планк за все годы так ни разу и не отпустил его на отдых.

Этот ветхий, заброшенный дом когда-то служил Планку опорным пунктом для его социологических исследований. Позже сюда перебрался Эрвин — тогда он еще только начинал копаться в программных кодах. Станция мониторинга считалась захолустной и малозначимой, получить разрешение на работу здесь мог практически любой ученый. Неудивительно, что со временем они превратили это место в своего рода курорт, где можно было скрыться от суеты.

Теперь же база стала для него тюрьмой.

— На свежем воздухе полегче? — поинтересовался Ивэнь. — На этой планете повышенное содержание кислорода.

— Вполне, — Эрвин глубоко вдохнул прохладный воздух. — Небо сегодня кажется невероятно глубоким. Красивое зрелище.

— Мы гуляем уже полчаса. Возвращаемся в дом, господин Герман?

— Не нужно. — Сегодня Эрвин явно никуда не спешил, наслаждаясь редкими минутами покоя.

— И еще... — Внезапно на голове Ивэня вспыхнул красный сигнальный огонек. — Что за звуки доносятся изнутри? Там кто-то кричит? Господин Герман, вы слышите?

Эрвин, разумеется, все прекрасно слышал.

— Идем, — не меняясь в лице, негромко произнес он.

Внутри все оставалось прежним: пустой, аскетичный зал управления просматривался насквозь. Однако заложенная программа заботы о людях мгновенно заставила процессоры Ивэня перегреться от тревоги.

— Это господин Шлиффен! Он без сознания!

Если быть точным, лейтенант лежал на полу в конвульсиях, а изо рта у него шла пена. Из разъема на главной консоли тянулся кабель нейрошунта. Судя по всему, Герс умудрился смастерить кустарный переходник — грубые, неровные края ручной работы были заметны даже издали.

— Его показатели критические! Нужно немедленно отключить нейрошунт!

— Подожди, не суетись, — остановил робота Эрвин. — Альфы — живучие твари. — Он подкатил инвалидное кресло чуть ближе к бьющемуся в судорогах телу. — Я ведь прав, господин Шлиффен?

Шлиффен с трудом приподнял веки, пытаясь выдавить хотя бы яростный взгляд, но истерзанное тело наотрез отказалось подчиняться.

— Он отключился, — констатировал Ивэнь.

Эрвин слегка толкнул Шлиффена подножкой коляски.

— Вытащи из него этот разъем.

Стоило разорвать соединение, как судороги прекратились. Лейтенант затих, представляя собой довольно жалкое зрелище. Пол вокруг был безнадежно испачкан.

Время словно замедлило свой ход. Эрвин молча созерцал распростертого перед ним человека, будто перед ним лежал труп.

— Не надо... — бледные губы Шлиффена мелко дрожали, а затуманенный взор блуждал в пустоте. — Не оставляй... меня... одного...

Слеза, смешавшись с каплями холодного пота, медленно скатилась по его виску.

Эрвин молча развернул коляску в обратную сторону.

— Господин Герман, что с вами? — тихо спросил Ивэнь.

— Ничего особенного. Даже ничтожный разряд через нейроразъем способен вызвать тяжелейший шок. Ощущения как при ударе током высокого напряжения. У него галлюцинации — обычное дело, когда мозг чувствует смертельную угрозу. Альфы тут не исключение. — Хотя Эрвин и отвернулся, перед его глазами все еще стояло беспомощное лицо лейтенанта. — Он сам виноват! Нечего было лезть к этому порту. Я ведь предупреждал его. Он сам во всем виноват!

Робот не стал возражать. Он просто замер, ожидая дальнейших распоряжений.

— Больше ничего не нужно... Уходи, — Эрвин устало опустил голову. — Просто оставь нас.

Движимый гусеничным приводом робот бесшумно покинул зал. В огромном, пустом помещении они остались совсем одни.

Внезапно Эрвин поймал себя на мысли о том вопросе, который раз за разом задавал лейтенанту.

«Почему ты меня не убьешь?»

А ведь на самом деле этот вопрос он адресовал самому себе.

«Почему... почему я его не убиваю?»

«Потому что я боюсь остаться... совсем один».

Ему вспомнился Планк и их последняя яростная ссора. Самым болезненным тогда оказалась вовсе не ругань, а глухое непонимание. Страшно было осознать, что после стольких лет бок о бок он, в сущности, всегда был одинок.

Эрвин развернул коляску обратно к Шлиффену. Сейчас тот выглядел так, будто просто крепко спал.

Он знал, что этот офицер будет цепляться за жизнь до последнего — никто не сдается без боя. Знал он и то, что лейтенант никогда не доверится ему до конца: полицейский по определению не станет верить преступнику первой категории. Эрвин даже сомневался, действительно ли этот человек так благороден, как пытается казаться. И все же... он продолжал подыгрывать Шлиффену, мирился с его присутствием и шел на уступки. Будто они были не врагами, а старыми друзьями.

Но ведь это невозможно. Верно?

Шлиффен провалился в глубокое забытие. Однажды, еще в полицейской академии, он уже терял сознание во время учений в экстремально жаркой зоне. Он отлично знал, какие безумные видения порой порождает угасающий разум. И знал, что верить им нельзя.

Перед тем как подключиться к терминалу, у него на мгновение возникли сомнения. Если этот Эрвин Герман действительно так невинен, как малюет, почему тогда его признали преступником первой категории? Если он обычный наивный ученый, как ему удалось совершить побег из строжайшей федеральной тюрьмы?

И все же Герс рискнул.

Едва установилось соединение, хаотичный поток импульсов выжег его рецепторы. В затухающем сознании замелькали обрывки прошлого: стерильные боксы инкубационной фабрики, где он появился на свет, серая средняя школа, спартанские казармы академии, бесконечные перелеты с одной планеты на другую... А потом он снова оказался на тех проклятых учениях. Тот день выдался невыносимо знойным, он перегрелся и рухнул на песок. Товарищи пронеслись мимо, даже не взглянув на него — вполне естественно для соревновательного зачета. Но ему так хотелось закричать им вслед: «Не бросайте меня! Не оставляйте меня одного...»

Когда-то давно он спросил кого-то — лицо собеседника давно стерлось из памяти:

«Скажи, есть ли у меня шанс встретить в этой жизни хоть одного настоящего друга?»

— Вряд ли, — ответил тогда тот голос. — Век альф недолог. Ты просто не успеешь сблизиться с коллегами по службе.

— А беты?

— Станут они тратить время на покойника.

— А если я доживу до отставки и найду нормальную работу?

— Вероятность такого исхода меньше двух тысячных процента.

На щеке закипела одинокая слеза, и следом пришло пробуждение.

Неоновый свет ламп резал глаза блекло-голубым сиянием. Память возвращалась неохотно. Нет, это не полигон академии. Это заброшенная астрономическая станция мониторинга SWEEPS-98167[7]. А рядом с ним — беглый государственный преступник Эрвин Герман.

Герс пролежал без чувств около четырех часов, и теперь все его тело ныло от близости с ледяным полом.

В поле зрения медленно въехала инвалидная коляска.

— Мне нужно сменить повязку на ноге, — негромко произнес Эрвин.

Кое-как поднявшись на ноги, Шлиффен всмотрелся в лицо ученого. Тот сохранял абсолютное хладнокровие, будто ничего не случилось.

— Мне жаль тебя... — хрипло выговорил лейтенант.

Эрвин заметно вздрогнул, маска равнодушия дала трещину.

—... И тебе, как оказалось, тоже жаль меня.

Шатаясь от слабости, лейтенант побрел к выходу. Снаружи сушились чистые бинты. Порывы ветра трепали их, путая с висевшей рядом штурмовой курткой.

Избыток кислорода в атмосфере SWEEPS-98167[7] заставлял пролетающие метеоры вспыхивать в ночи невероятно ярко.

Герс поднял голову к небу. В этот момент он забыл про десантный челнок, про своего оставленного меха и даже про тюрьму Освальда.

Он наконец-то вспомнил, чей голос тогда ответил ему. Это была его собственная биочип-система — Оуэн.

Древняя Земля когда-то дала определение ночи. Для миров, лишенных собственного солнца, тьма вечна. Но когда Титан, завершая свой виток, отворачивался от далекого светила, на него опускались сумерки.

Эта ночь почти не отличалась от земной. Проекторы искусственной атмосферы в вышине гасли сразу после трансляции заката, и на куполе проступал мерцающий звездный пояс, удивительно похожий на рукав Млечного Пути.

Анни Шуберт возвращалась из здания Ассоциации академий. Ее квартира находилась довольно далеко, но переезжать она не собиралась: ей нравились оживленные центральные кварталы с их вечным шумом и суетой.

По пути у уличного автомата она прихватила готовый ужин. Сегодняшним блюдом дня значился шоколадный брауни с фундуком, и перед этим искушением вице-председатель устоять не смогла.

Вокруг бурлила ночная жизнь, толпы прохожих спешили по своим делам. Миновав этот суетливый поток, Анни вошла в холл своего жилого комплекса.

— Добрый вечер, госпожа Шуберт, — приветствовал ее домашний робот-консьерж с весьма двусмысленной ухмылкой на сенсорной панели.

Анни не обратила на это внимания — все ее мысли были поглощены предвкушением десерта. Дежурно улыбнувшись машине, она поднялась на свой этаж и приложила ладонь к замку.

— Ты еще кто такой?! — вскрикнула она, едва переступив порог.

Посреди гостиной с тряпкой в руках стоял капитан Галин. Заметив хозяйку, он выключил музыку и отложил инвентарь.

— С возвращением, — приветливо улыбнулся он.

— Как... как ты сюда попал?

Галин ловко забрал у нее пакет с покупками и жестом пригласил войти.

— Секретарь Вальд поделился кодом доступа.

«Предатель!» — мысленно выругалась Анни.

— Я принес свежие цветы, хорошего виски, включил легкий эмбиент. А сейчас вот навожу порядок. Похоже, ты совсем забываешь запускать у клининг-бота режим глубокой чистки углов, там скопилось полно застарелой грязи.

Капитан так гордо рапортовал о своих успехах, что Анни невольно залюбовалась им. Точнее, ее маленьким фартуком в цветочек, который буквально трещал по швам на его косой сажени в плечах и двухметровом росте. Тяжело вздохнув, она обогнула этот монумент домашнего хозяйства.

— Чего желает хозяйка дома?

— Где все продукты из моего холодильника?! — в ужасе завопила Анни.

— Дорогая, тебе нельзя питаться одними сладостями. Это не еда, а пищевой мусор. — Галин заглянул в только что принесенный пакет. — Так, посмотрим... О.

И легким движением руки отправил вожделенный шоколадный брауни прямиком в утилизатор.

Анни онемела, схватившись за лицо. А в следующую секунду воздух сотряс ее крик:

— А-а-а-а!

Она разъяренной кошкой бросилась на него, пытаясь вытолкнуть взашей, но капитан просто уперся ладонью ей в лоб, удерживая на безопасном расстоянии.

— Тише, тише, остынь. — Другой рукой он активировал настенную панель. — Смотри, я скачал отличные рецепты. Приготовил тебе свежий, полезный ужин.

Анни отчаянно брыкалась, молотя руками по воздуху.

— Салат из яиц и зелени?! Пошел вон! Катись отсюда к черту со своим салатом!

— Он потрясающий. Я даже не поскупился на три миллилитра обезжиренного растительного масла для заправки.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а!

— Ну прекрати. Милая, ты сейчас вылитый камчатский краб в период линьки.

Спустя четыре минуты безуспешной борьбы Анни полностью выдохлась. Капитан без труда уложил ее на лопатки и навалился сверху, лишая возможности шевелиться.

— Пусти... я сейчас задохнусь. Ты вешишь как танк, чтоб тебя...

— Клевета. Я держусь на локтях, почти невесомо.

— Отпусти! Живо!

— Салат есть будем?

— Буду... Буду я его есть!

Галин соизволил подняться. Потрепанная Анни кое-как привела в порядок растрепавшиеся волосы и с самым угрюмым видом уселась за стол.

— Прошу к столу. — Перед ней материализовалась тарелка с мелко порубленной зеленью, сиротливо подпираемой пресным галетным сухарем.

Анни нехотя прожевала первую ложку. Рот наполнился концентрированным вкусом экзистенциального уныния.

— Виски налить?

— Я хочу апельсиновый сок.

На этот раз Галин спорить не стал. Он взял свежий плод и бросил в соковыжималку.

— Правильно. В этих сублимированных концентратах из автомата одна химия и никакого волокна. Держи.

— Уже поздно, капитан. Вам не пора...

— Я остаюсь здесь, — Галин преспокойно захрустел своей порцией силоса. — Мои вещи уже переехали. Я займу гостевую спальню.

— Что?!

Капитан нажал кнопку на пульте. Дверь соседней комнаты отъехала в сторону, явив взору ровные ряды армейских баулов и контейнеров.

— Я не потерплю этого произвола! — Анни в ярости швырнула вилку на стол и потянулась к панели вызова. — Я звоню председателю Планку!

— А отчет ты закончила? — невозмутимо поинтересовался сожитель.

— Какой еще отчет?

— Тот самый, который председатель поручил составить для господина президента. Написала?
— Галин сделал глоток виски. Климатический шкаф Анни работал превосходно, поддерживая температуру с точностью до сотых долей градуса. В следующий раз определенно стоит прихватить бутылочку коллекционного шампанского.

Анни медленно опустила руку. Пальцы зарылись в волосы на затылке.

— И... сколько ты намерен здесь торчать?

— Месяца три. Если кризис с Большой черной дырой затянется, то дольше. Хотя, — он заговорщицки подмигнул ей, — если ты согласишься выйти за меня, я останусь насовсем.

— Мечтай больше.

— Что такое?

— Да ничего.

На следующее утро Анни явилась в офис с залегающими под глазами тенями. Стоило ей переступить порог кабинета, как к ней тут же подскочил секретарь Вальд.

— Ну как все прошло?

— Отчет для президента готов, — буркнула Анни, бесцеремонно отодвигая его с дороги.

— А капитан ведь чертовски харизматичный мужчина, верно?

Шуберт стащила жакет и швырнула его на кресло.

— Свяжи меня с председателем. Мне нужно срочно его видеть.

— Его нет на Титане. Он улетел.

— Куда еще?

— В Делфт.

Делфт, где располагалась Высшая юридическая академия, находился примерно в шестистах миллионах километров отсюда.

— Председатель просил передать: если президент назначит аудиенцию, иди одна. Ждать его возвращения не нужно.

Челюсть Анни мелко задрожала от едва сдерживаемого бешенства.

Если древняя Земля когда-то даровала вселенной понятие ночи, то бег близлежащего светила определял границы дня. И на каждой планете этот день имел свое неповторимое лицо. В Делфте небосвод казался бесконечно высоким и блеклым — сказывалось медленное вращение планеты вокруг своей оси. С высоты птичьего полета ландшафт выглядел удручающе однообразным: бескрайние нагромождения серых скал, среди которых едва проглядывали чахлые бурые лишайники. Эта унылая картина не менялась, приближался ли ты к поверхности или, напротив, отдалялся от нее.

Именно здесь обосновалась Юридическая академия. Местный декан, суровый альфа, занимал пост верховного судьи. От него за версту разило тяжелыми доминантными феромонами — в

Делфте мало кто пользовался блокаторами или успокоительными для Альф, поскольку сородичей его типа тут почти не водилось. Сюда часто поступали бывшие военные, привлеченные перспективой высоких гонораров, но большинство ломалось на первых же семестрах, не выдержав бесконечной бумажной рутины.

Этот мир безраздельно принадлежал бетам.

Верховный судья Каролина Грин когда-то честно отучилась здесь четыре года, но перед аспирантурой вовремя сбежала, выбрав для продолжения научной карьеры столичный университет. Решение было в высшей степени благоразумным: ни один альфа физически не смог бы выдержать в этом каменном склепе положенные восемь лет.

Из-за вечной загруженности декан Гроций постоянно откладывал плановые процедуры по регенерации генома. Выглядел он глубоким старцем — никак не моложе шестидесяти лет. Когда они с Планком обменялись рукопожатием, со стороны казалось, что декан приветствует не коллегу, а собственного непутевого племянника.

— Говорят, вы прибыли к нам спешным рейсом, — проскрипел Гроций.

— Свободного времени действительно в обрез, но я не мог приехать с пустыми руками. Захватил для вас бутылочку лучшего вина с Титана.

— Ох, увы, я давно завязал с алкоголем. Моя супруга на дух не переносит спиртное.

Супруга господина Гроция была бетой. Подобный союз считался большой редкостью: большинство альф предпочитали до последнего ждать распределения партнеров через Комитет по правам Омег или же вовсе коротать век в одиночестве. Беты не вызывали у них ровным счетом никакого влечения, независимо от пола.

Сам Планк связывать себя узами брака не планировал, а потому лишь вежливо улыбнулся и сразу перешел к сути дела.

— Какая же причина заставила вас проделать столь долгий путь?

— Дело касается Ассоциации содействия защите прав Омег.

Декан тяжело вздохнул, его седые брови сошлись на переносице.

— Опять хотите внести поправки в Конституцию?

— Именно так. И мне очень нужно, чтобы в этот раз вы поддержали мою инициативу.

<http://bllate.org/book/18311/1756272>